

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)644
Р15

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используют фото репродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Дизайн серии *Виктории Ворониной*

Радзинский, Эдвард Станиславович
Р15 Железная маска. Век мушкетеров /Эдвард Радзинский. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 448 с. — (Эдвард Радзинский. Лучшее)

ISBN 978-5-17-122519-3

Это был век, когда во Францию пришли деньги. Когда храбрость и верность начинают уступать богатству. Первые олигархи в истории — это кардинал и министр финансов Фуке, который так и не понял, что такое власть короля. Это был век куртизанок, когда понятие добродетели начинает исчезать. Век салонов, где правили женщины, и век до сих пор не раскрытых тайн. Одна из которых — тайна Железной Маски... Ответ на историческую загадку будет совершенно неожиданным.

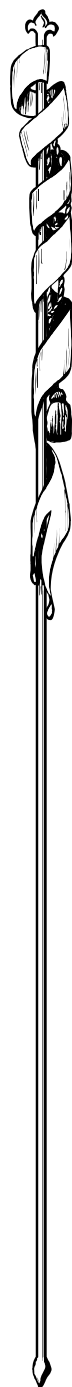
УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122519-3

© Радзинский Э. С., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Граф
Сен-Жермен

Париж

Мой отец жил в Париже, никогда там не побывав. Он был галломан в СССР — галломан из страны за железным занавесом... Отец жил в сталинской Москве, в окружении старых французских книг, купленных в букинистических магазинах. В новой России рабочих и крестьян, поголовно не знавших французского, за бесценок продавались французские книги времен Людовиков и Империй — эти уцелевшие остатки дворянских библиотек. Париж для отца не был городом. Это была мечта. Мечта о свободе в стране рабов и еще о том, что когда-нибудь я увижу недостижимый Париж.

Он умер, так и не побывав в Париже, который часто видел в снах. В этих снах он сидел в парижском кафе с чашечкой кофе и писал рассказ.

Впервые я приехал в Париж в начале 80-х...

Был жаркий майский день. Я сидел в парижском кафе, на столе стояла чашечка кофе, передо мной лежал отцовский «Путеводитель по Па-

рижу», изданный в 1900 году во время Всемирной выставки. И я сочинял рассказ.

Но ничего не приходило в голову, парижский рассказ не получался. Между тем наступил полдень, и на лице официанта читался вопрос, когда же я покину кафе и уступлю свое место с несерьезной чашечкой кофе посетителям серьезным, пришедшим на священное для француза полуденное «манже». «Манже», без которого истинный француз не только не может жить — умереть не может. В дни революции даже беспощадные революционеры разрешали приговоренным аристократам хорошо отобедать перед путешествием на гильотину. Из окна кафе на другой стороне Сены я видел замок Консьержери, откуда и везли на гильотину этих насытившихся французов... Официант продолжал мрачно смотреть. Я решил поторопиться и, на худой конец, записать в кафе хотя бы чужой рассказ, который услышал от знаменитого итальянского сценариста. Ему и нескольким его коллегам предстояло написать любовные истории протяженностью не более 10 секунд экранного времени! Эти новеллы должны были составить фильм о ЛЮБВИ.

И вот что он сочинил.

Действие происходило в квартире. У телефона сидела прелестная женщина. Перед ней стоял телевизор. На экране готовилась к старту космическая ракета. Голос отсчитывал последние 10 се-

кунд перед стартом. Красавица внимательно глядела в телевизор и одновременно набирала номер.

— 10... 9... — отсчитывал секунды голос по телевизору. — 8... 7... 6... — Она набирала очередные цифры.

— 5... 4... 3... 2... 1... Старт! — раздалось в телевизоре.

— Алло! — сказал в трубке мужской голос.

— Он уехал! — радостно сообщила она.

Загадочный господин

Я закончил записывать чужую выдумку, когда сзади раздался голос, сказавший по-русски:

— Это не просто ловкая выдумка. Это притча о жалкой любви в жалком веке. Десяти секунд и вправду достаточно для ее описания.

Я обернулся. Он сидел за соседним столиком и улыбался.

Он был в великолепном белом чесучовом костюме, в широкой соломенной шляпе, из-под которой торчали черные усы, длинный зигзагообразный нос и впалые, вдавленные щеки... И весь он был какой-то изогнутый, узкий, ненадежный. Несмотря на жару, он был в белых перчатках.

Я хотел ему ответить, но не успел, ибо в тот же момент он... исчез! Остались только руки в перчатках. Это не самая обычная картина, когда из

пустоты торчит парочка белых перчаток. Но я не успел поразиться, ибо в следующее мгновение он преспокойно восседал передо мной на стуле.

— Нет-нет, — засмеялся он, — здесь нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь фокус, которым в любимом мной Галантном веке сводил с ума парижан граф Сен-Жермен. Вас явно тревожат мои перчатки. Я, видите ли, участвовал в раскопках Вавилона. Этого делать было не надо. Как всем нам известно из Библии, Вавилон был проклят Господом. «Не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем... Но будут обитать в нем звери пустыни... Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах... И сделаю его болотом... — сказал Бог Саваоф». Когда я впервые приехал, — как-то странно словоохотливо продолжил он, — увидел поразительную точность предсказанного. Передо мной лежали уродливые холмы, болото и пустыня, и под ними прятался проклятый город. Там не росла даже трава. Только тростниковые топи, источавшие лихорадку. Но я получил разрешение и начал копать.

Его рассказ показался мне куда более странным, чем его перчатки. Последние раскопки в Вавилоне, как я смутно помнил, проводились в самом начале двадцатого века.

Но он продолжал читать мысли. Усмехнувшись, сказал:

— И вправду. В отличие от иных знаменательных мест Ирака, где каждый год идут раскопки, на месте Вавилона с 1918 года *официально никто* не копал. И правительство уклоняется давать разрешение. Там не бывает даже туристов. Однако легко предположить, что за большие деньги я получил разрешение и начал копать в проклятом месте.

— Так вот в чем дело, — успокоился я.

И незнакомец, всё читая мои мысли, одобрительно-насмешливо кивнул:

— Я рад, что вам все стало понятнее. Копать там необычайно трудно. Приходилось платить рабочим бешеные деньги: люди панически боятся этих мест. Я намеревался отрыть древнейшую часть Вавилона. Это город правителя Хаммурапи, существовавший за полтысячи лет до Моисея. Но оказалось, он лежит под стометровым слоем ила. Тогда я решился копать на месте города Навуходоносора. Но и он укрыт тридцатиметровым слоем собственных камней и черепков. В этот мусор превратились знаменитые башни, колонны, висячие сады... Но все-таки кое-что удалось. Откопали замечательную стелу, покрытую клинописью. Конечно же я торопился прочесть... Камень расчищали всю ночь. К рассвету я нежно гладил руками каменные письма проклятого Господом города. Я чувствовал плотский, страстный ропот времени. Но уже к вечеру руки горели. Я подхва-

тил инфекцию, совершенно обезобразившую их... Будьте осторожны с подобными местами. Однако мне пора.

Он только взглянул в сторону официанта, как тот опрометью бросился к нему. Я увидел, как в белых перчатках появилась серьезная купюра и улеглась на столик:

— Благодарю, мой друг. Сдачи не надо. — И, поднимаясь с места, сказал мне: — Надеюсь, мы вскоре продолжим нашу беседу. — И протянул рукой в перчатке визитную карточку.

На визитке я прочел:

— Антуан де Сен-Жермен.

И телефон.

Он засмеялся:

— Это псевдоним всего лишь. Когда-то я снимал квартиру в квартале Сен-Жермен. Но нынче обитаю в Латинском квартале, в двух шагах от мастерской Делакура. Позвоните мне, коли будет настроение. Буду рад. Вы, как я понял, писатель, весьма увлеченный Историей. Только такой человек может с упоением листать столетней давности путеводитель, быть осведомленным о раскопках в Вавилоне и пытаться сочинять в кафе, водрузив на столик *компьютер*. Но остерегайтесь, мой друг, носить обе эти вещи в одной сумке. Поверьте, они ненавидят друг друга — великолепный, переживший столько приключений путеводитель и ненадежное, ломкое дитя прогресса.

Я с наслаждением слушал звуки его речи. Той русской речи, которая сохранилась в семьях эмигрантов первой волны. Их язык, избежавший издевательств новояза революции, хранит умолкнувший голос нашей погибшей Атлантиды.

В ту первую встречу я не сомневался: он русский.

В кафе вошел какой-то безликий, странно бледный молодой человек. Прощально помахав мне рукой, господин Антуан Сен-Жермен вышел вместе с ним из кафе. Я увидел в окно, как этот молодой человек, видимо его шофер, распахнул перед ним дверцу автомобиля.

В гостях у месье Антуана

На следующий день я позвонил ему, но никто не ответил. Всю неделю я тщетно пытался дозвониться. Телефон, указанный на визитной карточке, молчал. Лишь в воскресенье я услышал голос месье Антуана. Безо всяких вступлений он пригласил меня к себе.

Он жил в доме на моей любимой площади. Это крохотная площадь Фюрстенберг, затерявшаяся в улочках Латинского квартала. Вся площадь — маленький асфальтовый круг, на котором разместились старинные фонари, церемонно окруженные

деревьями. На это царство гармонии глядят окна мастерской Делакруа. Мой странный знакомец жил в доме рядом с мастерской.

Мне открыл дверь все тот же безликий молодой человек. Молча повел в глубь квартиры. Это была неправдоподобная квартира... Мы шли через бесконечную анфиладу комнат, заставленных старинной мебелью. Портьеры на окнах были задернуты, горели свечи в бронзовых канделябрах, мерцали зеркала и золотые рамы картин.

Пришли в большую залу. В центре стоял великолепный стол черного дерева с ножками — резными головами атлантов.

Стол стоял на фоне огромного окна. Он как бы плыл над площадью, освещенной заходящим октябрьским солнцем.

В дальнем углу залы притаился клавесин, который я не сразу заметил, пораженный великолепием стола. На стене, справа от стола, висел портрет в массивной золотой раме.

На портрете был изображен красавец мужчина в камзоле и парике. С лицом насмешливым, гордым... и знакомым.

Месяе Антуан стоял у стола, поглаживая позолоченную голову атланта... На этот раз он был в черном смокинге и в черных перчатках.

Церемонно поздоровавшись, начал говорить:

— Этот стол сделан по личному заказу «Короля-солнце» в знаменитой «Мануфактуре королевской мебелировки». Что же касается портрета, он вас заинтересовал не зря. Портрет этот написан при жизни фантастического господина, на нем изображенного... накануне его официальной смерти. Обратите внимание на необычайно широкий лоб, говорящий об опасном разуме. Его крупный нос весьма напоминает нос Гёте. В подобном носе знаменитый физиономист Лафатер увидел великую способность творить. Чуть выпяченная губа господина повествует о сластолюбии и похоти, побежденных, однако, неукротимой волею. Он выглядит на портрете от силы сорокалетним, не правда ли? Хотя, по его собственным словам, ему в это время было 88 лет... Впрочем, ни дата рождения, ни дата его истинной смерти неизвестны. Неужто не поняли, о ком речь? Это тот, чьим именем я позволил себе украсить мою визитную карточку. Это — граф Сен-Жермен.

И я... увидел!

Надо сказать, я был взволнован. Меня давно занимал этот неправдоподобный господин. Все последнее время я писал биографию Екатерины Великой. По одной из версий, сей фантастический граф в 1761–1762 годах находился в России